

А. А. Яковлев

ЯЗЫК КАК ДОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА И КАК САМООРГАНИЗУЮЩАЯСЯ СИСТЕМА

Приводится обоснование основных свойств языка как достояния человека. Автор исходит из концепции языка Л. В. Щербы и А. А. Залевской, в которой язык представлен как социально-личностный континуум разных по своей онтологии языковых явлений. Цель статьи состоит в том, чтобы показать основные свойства языковой организации человека как сложной самоорганизующейся системы процессов. В основе этих свойств лежит активный и пристрастный характер отражения мира в сознании человека, а также живое знание. Приводятся соответствующее такому пониманию языка определение, различия между антропоцентризмом и антропоморфизмом в языкознании. Рассматривается применимость к разным аспектам языковых явлений такого выражения, как «человеческий фактор в языке».

The article explores the basic properties of language as a person's achievement. The author proceeds from the interpretation of language proposed by L. V. Shcherba and A. A. Zalevskaya, in which language is represented as a socio-personal continuum of linguistic phenomena of different ontology. The purpose of the article is to describe the basic properties of human language as a complex self-organizing system of processes. Active and subjective character of reality and knowledge representation in human mind determines the main properties of language. The author offers a definition of language corresponding to this approach and describes the differences between anthropocentrism and anthropomorphism in linguistics. The author investigates the role of 'human factor' in the analysis of different linguistic phenomena.

Ключевые слова: аспекты языковых явлений, самоорганизующаяся система, предмет языкознания, человеческий фактор в языке, живое знание, Л. В. Щерба, А. А. Залевская.

Keywords: aspects of language, self-organizing system, object of linguistics, human factor in language, living knowledge, L. V. Shcherba, A. A. Zalevskaya.

Вводные замечания

Как известно, в физике существует принцип наблюдаемости понятий, который связан с простым, на первый взгляд, вопросом: «Каким образом в наблюдаемых нами эмпирических данных проявляются вводимые нами понятия?» На протяжении долгого времени этот принцип не применялся к таким понятиям, как «пространство» и «время», которые всем казались самоочевидными. Классическая механика вполне справляется с изучением малых скоростей и масс, для которых нет не-

обходимости в уточнении содержания названных понятий. Потребность в принципе наблюдаемости для пространства и времени (а именно ими определяются большие масса и скорость) проявилась только тогда, когда физика вышла за границы привычных для классической механики проблем и столкнулась с большими массами и скоростями.

6

Определение языка как знаковой системы известно даже людям, не занимающимся лингвистикой. Однако, как представляется, к такому пониманию языка (как и ко многим понятиям языкознания) долгое время не применялся принцип наблюдаемости. В самом деле, в непосредственно наблюдаемых фактах (отдельных речевых актах) никакой системности не обнаруживается, они хаотичны и непредсказуемы. А системность языка в таком случае проявляется в последующем обобщении и систематизации множества речевых актов, что неминуемо приводит к абстрагированию от каких-то их свойств. Отсюда видно, что налицо два онтологически разных явления: множество уникальных (а значит, в терминах теории вероятностей, сверхневероятных) речевых актов, с одной стороны, и множество их абстрактных и дискретных теоретических моделей — с другой. Возникает противоречие, из которого имеется два выхода: либо объявить языком только второй из этих феноменов, либо выработать такую концепцию языка, которая объединяла бы в себе эти разнородные явления. Ни один из них не лучше и не хуже другого, но второй путь, как мы полагаем, позволяет применять к языковым явлениям принцип наблюдаемости, поскольку показывает, как результаты речевых актов, которые в своей материальной форме только и даны в непосредственном наблюдении, обобщаются в теории.

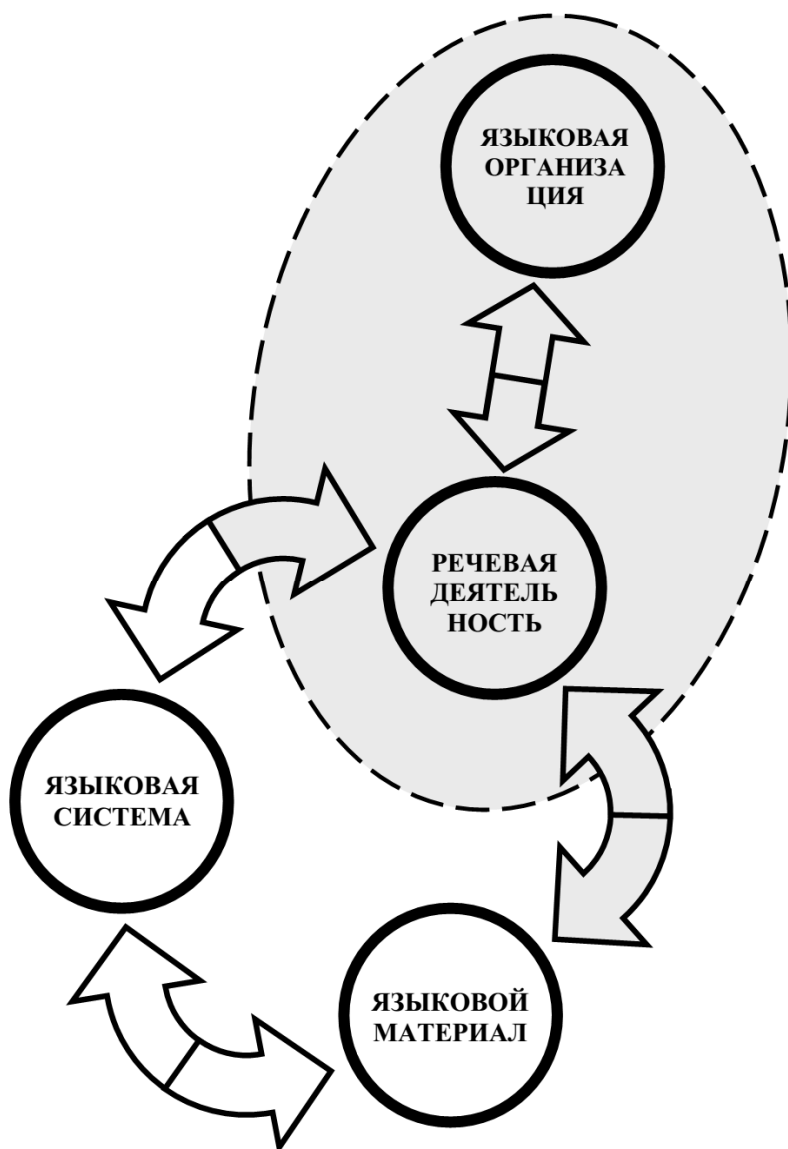
Континуум языковых явлений

Одним из первых языковедов, пошедших по второму пути, был Л. В. Щерба, с ясностью сформулировавший такую концепцию языка, которая объединяет разные формы его существования. Согласно этой концепции, во всех языковых явлениях можно выделить три аспекта: 1) речевая деятельность; 2) языковой материал; 3) языковая система [18, с. 24–30]. Следует отдавать себе отчет в том, что, несмотря на различия между собой, эти аспекты языка неотделимы друг от друга: «Три аспекта языковых явлений — это абстрактные моменты живой целостности, невозможные один без другого и в сумме составляющие противоречивое единство. Каждый из аспектов должен быть выделен в его отличии от других, но определение своеобразия каждого аспекта невозможно без оглядки на другие аспекты, без выяснения условий его взаимодействия с другими моментами» [9, с. 101–102].

Дальнейшее развитие идей Л. В. Щербы в трудах А. А. Залевской показало необходимость обозначить и четвертый аспект языковых явлений — индивидуальную языковую организацию человека [3, с. 32–34]. Обратим внимание, что языковой материал является, по определению Л. В. Щербы, «совокупностью всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной

общественной группы» [18, с. 26]. Следовательно, языковой материал как одна из форм существования языка обладает социальной онтологией. Языковая организация, в свою очередь, как другая форма существования языка обладает индивидуально-психической онтологией. Это позволяет назвать совокупность всех языковых аспектов социально-личностным, или личностно-социальным, континуумом языка. Схематически это единство представлено на рисунке 1.

7

Рис. 1. Личностно-социальный континуум языковых явлений Щербы – Залевской

Серым цветом на рисунке обозначены аспекты языка, имеющие индивидуальный характер; они состоят из индивидуальных явлений, но теоретическое абстрагирование от их конкретных свойств позволяет говорить об их общих, наиболее существенных свойствах. Обведенная пунктиром область обозначает индивидуальное сознание и психику, а два языковых аспекта в этой области имеют индивидуально-психологическую онтологию. Однако следует отдавать себе отчет в том, что эти индивидуальные явления не оторваны от социальных. В данном случае подразумевается *возможность* рассматривать эти аспекты языка в индивидуальной перспективе, а также неидентичность переработки языкового материала разными людьми.

Язык как достояние человека

Почти весь XX в. прошел под знаком такого понимания языка, при котором он считался совершенно особой системой, живущей и развивающейся по собственным законам. Это неминуемо приводило к ограничению предметной области только явлениями системы языка, уже абстрагированными из результатов реально существующих речевых актов.

В конце прошлого и начале нынешнего века внимание лингвистов перешло и на другие формы существования языка [8; 11; 15].

Нередко высказывается мнение, будто системно-структурный подход полностью исчерпал себя и даже вреден для всестороннего познания языка. С подобным мнением согласиться не представляется возможным. И хотя системно-структурный подход переживает сейчас упадок, ошибочным было бы не признавать его существенной роли в познании (без него когнитивистика и психолингвистика были бы другими) и отказываться от него как от ошибочного или тупикового направления. Познание языка во всем многообразии его форм невозможно при одностороннем взгляде на него, без многообразных подходов в их единстве и взаимодействии.

Языковая организация человека, язык как форма существования сознания особенно интересует лингвистику в последние десятилетия, поэтому принципиальным мы считаем остановиться подробно именно на этом аспекте. Мы умышленно говорим не об индивиду или субъекте, а именно о человеке, чтобы подчеркнуть, что имеется в виду активная, чувствующая, аффективно переживающая мир личность (опираемся в этом на идею С.Л. Рубинштейна: «Коррелятом материи является не сознание, а человек – существо страстное, страдательное и действующее» [16, с. 45]).

Прежде всего следует констатировать нетождественность и несводимость языковой организации к языковой системе. Невозможно говорить, что в языковой системе (и уж тем более в «языке вообще») отражены те же самые явления, которые являются формой существования индивидуального сознания, порождаются в актах речевой деятельности людей и фиксируются в языковом материале. Только общие теоретико-методологические положения классического идеала рациональности,

лежащего в основе традиционного языкознания, позволяли не обращать внимания на подобные несоответствия (о классическом и неклассическом идеалах рациональности см. [12]). Дифференциация языковых явлений, признание неоднородности языка, несводимости его аспектов друг к другу не позволяет уже закрывать глаза на такие несоответствия. Поэтому необходимо не только разграничить языковую систему и языковую организацию, но и найти в них общее — специфику языковой организации, а также формы и способы ее отражения в явлениях языковой системы (законах, понятиях и т.д.), не искажающих этой специфики. Эта необходимость диктуется уже хотя бы тем, что психолингвистика сама является частью теории языка, частью языковой системы.

Отметим, что выражения «языковая организация» и «ментальный лексикон» являются в нашем понимании синонимами. А. А. Залевская определяет ментальный лексикон как «лексический компонент речевой организации человека, формирующийся через переработку речевого опыта и предназначенный для оптимального использования в **речемыслительной деятельности** человека» [3, с. 44]. Мы толкуем ментальный лексикон шире и полагаем, что в нем неразрывны лексические и грамматические составляющие. Поскольку слово является *одновременно* членом гнезд и рядов [10, с. 145], то в его значении зафиксирован и опыт его употребления в соответствующих разным контекстам формах, а граница между чистой лексикой и чистой грамматикой размыта и условна.

Кроме того, мы полагаем, что языковая организация не равна языковой способности. Последнее понятие означает общую потенциальную нейрофизиологическую и психическую способность человека производить и воспринимать высказывания, но не раскрывает внутренних связей и процессуального характера этой способности, ее организованности по особым закономерностям. Напротив, как подчеркивает А. А. Залевская, языковая организация является саморазвивающейся системой, основное свойство которой состоит в постоянном взаимодействии между переработкой опыта общения и его продуктом: «Новое в речевом опыте, не вписывающееся в рамки системы, ведет к ее перестройке, а каждое очередное состояние системы служит основанием для сравнения при последующей переработке речевого опыта...» [3, с. 34].

Языковую организацию, язык как достояние человека мы можем определить следующим образом. Это *открытая самоорганизующаяся функциональная система образов, ассоциированных с материальной формой знаков, служащая посредством выражения мыслей и чувствований для организации своего и чужого поведения*. При таком определении мы сознательно опираемся на суждения Ф. Ф. Фортунатова [17, с. 111–113] и Е. Д. Поливанова [13, с. 344, 482; 14, с. 40–41].

Обратим внимание на характеристику языковой организации как саморазвивающейся системы. Такие системы состоят не из статичных единиц, обладающих неизменными свойствами, а из процессов, происходящих на разных уровнях. Язык как достояние человека есть, таким образом, система процессов. Остановимся подробнее на характеристиках языка именно как саморазвивающейся системы.

Системообразующим фактором любой саморазвивающейся системы является целенаправленность ее действий, их целевая причинность, или целесообразное действие и соответствующий ему результат. Реальный или планируемый результат действия создает организацию системы, то есть такое взаимодействие ее единиц (а не просто взаимодействие, ничего не меняющее в действиях единиц системы по отношению друг к другу), которое наиболее благоприятно для получения именно планируемого результата [1, с. 69–76]. Следовательно, возможные результаты действия системы должны учитываться при ее познании и включаться в ее теоретические модели.

Саморазвивающаяся система способна наращивать сложность и тип саморегуляции; каждый новый ее уровень не отменяет предыдущие, а влияет на них (в частности, на состав и функции компонентов) в соответствии со своими целями. Наиболее ярко это проявляется в овладении языком — как родным, так и иностранным.

Саморазвивающаяся система обменивается информацией и материей с внешней средой, что делает ее границы неопределенными и меняющимися. Для фиксации в познании воспроизводства и развития (вообще функционирования) системы необходимо зафиксировать и те условия, в которых она действует. В языковой организации этой «материей», которой обменивается система со средой, выступает живое знание.

Саморазвивающаяся система находится в состоянии устойчивого неравновесия со средой, которое обеспечивается избытком энергии, используемой одновременно для внешнего действия и для поддержания неравновесия. Такое неравновесие не поддерживается стихийно, а требует притока энергии извне, которая не используется непосредственно и сразу, а перерабатывается системой. Осуществляя некоторое противодействие внешним воздействиям, система изменяет их соответственно собственному строению и функциям. В системе имеется такая активность, которая при внешних воздействиях изменяет ее первоначальные состояния и эффект действия окружающей среды: система меняет одновременно внешние воздействия и свои внутренние связи и состояния.

Человеческий фактор в языке и живое знание

В современном языкознании широко распространено мнение, что традиционный системно-структурный подход к языку был лишен антропоцентризма. Мы склонны считать, что традиционное языкознание насквозь пропитано антропоморфизмом. Под последним мы понимаем придание явлениям и объектам действительности привычных для нас человеческих «размерностей», человеческого «облика», человеческих свойств. В частности, он выражается в убежденности, что содержание лингвистического понятия равно или изоморфно свойствам явления языка, которое отражено в понятии. В речевой деятельности и в языковой организации человека, например, проявляются именно те компоненты значений слов, на которые их раскладывает компонентный анализ. Антропоцентризм — это несколько иное явление, это не крайняя

форма антропоморфизма, ставящая человека в центр Вселенной, а проявление в объекте свойств, обусловленных не самой природой объекта, но его предназначенностью для нужд человека и общества или его местом и функцией в деятельности человека. Проще говоря, лингвистический антропоморфизм состоит в признании единообразия единиц, которыми человек пользуется в своей речемыслительной деятельности, и единицами языковой системы. Антропоцентризм, в свою очередь, проявляется в отрицании этого положения и в признании того, что деятельность языковеда, обобщающая явления языкового материала в явления языковой системы, вносит в категории языка то, что ему как таковому не свойственно. Отсюда следует, что «как таковой» язык не может быть познан (это своего рода применение к языковым явлениям разработанного в квантовой механике принципа включенности Наблюдателя).

Мы полагаем, что для адекватного отражения других аспектов языка языковая система нуждается в очищении от всякого рода антропоморфизма. Теоретическое осмысление языка должно осуществляться под знаком не полного приспособления положений теории к непосредственным чувственным данным (самого ученого и полученных от информанта), а освобождения их от этого индивидуального чувственного компонента. Последнее, разумеется, не означает, будто мы ратуем за освобождение теории от творческих аспектов познания. При этом должен сохраняться контакт теоретических абстракций с конкретными материальными и чувственными явлениями описываемого мира, но выражаться они должны именно в виде обобщенных закономерностей, в которых сами материальные и чувственные формы не даны. Сохранение и адекватность этого контакта между миром теоретических абстракций языкознания и миром ощущений (наличной данности языковых явлений) обеспечивается только экспериментальной проверкой положений теории и возможностью приложить уже имеющиеся положения к еще не изученным фактам. Коротко говоря, взаимодействием теории и практики.

С антропоцентризмом в языке и языкознании связано такое расхожее выражение, как «человеческий фактор в языке». Повторяясь многократно, как мантра, в различных публикациях, оно нередко играет лишь роль ярлыка, стремления автора публикации показать причастность к передовым течениям науки. Выделение в языке четырех аспектов и несводимость их друг к другу приводит к конкретизации того, к какому из них относится названное выражение. И здесь мы сталкиваемся с рядом парадоксов.

Употреблять выражение «человеческий фактор» к языковой организации или к речевой деятельности нелепо, если не бессмысленно; это все равно что говорить «человеческий фактор в любви» или «человеческий фактор в хоровом пении». «Человеческий фактор в языковом материале» тоже звучит довольно странно, поскольку языковой материал — это зафиксированные акты речевой деятельности, осуществляемой конкретными людьми и подчиняющейся законам психики. Не менее

странно и выражение «языковой фактор в языковой системе», если помнить, что языковая система, как и любая другая теория, является комплексом научных абстракций. Столь же нелепым было бы рассуждать о человеческом факторе в геометрии или астрофизике, о некой «человечности» их законов и положений.

Разрешение этих парадоксов нам видится в том, чтобы считать человеческий фактор методологическим принципом, отражающим в научном познании (то есть в языковой системе) основные свойства человеческого сознания — активность и пристрастность (а возможно, и некоторые другие). Человеческий фактор находит место на *всех* этапах и уровнях исследования и по-особенному влияет на каждый уровень и на его соотношения с более низкими и более высокими уровнями абстрагирования реальных свойств предмета познания в теоретических моделях, законах, положениях и т.д. Человеческий фактор должен сказываться на выборе эмпирического материала, на организации исследовательских процедур с использованием этого материала, на способах обобщения результатов исследования, на формулировании общих закономерностей и положений теории. Такое влияние должно быть двусторонним и обеспечивать связь высшего уровня теоретического обобщения с низшим. Перенесение закономерностей (с возможностью их изменения) на иные объекты и условия, предсказание их еще не исследованных свойств (постановка и формулирование гипотез), организация исследовательских процедур и выбор эмпирического материала в зависимости от выдвигаемых гипотез — все эти этапы и уровни познания должны в соответствующей форме обобщения непротиворечиво проследивать особенности человеческого сознания.

Человеческий фактор и антропоцентризм понятий и положений теории являются двумя сторонами одной медали: это учет того, что одни и те же явления занимают разное место в разных аспектах языка и включены в разную по своему характеру деятельность людей.

Активность и пристрастность сознания должны с особой тщательностью учитываться при изучении языковой организации и речевой деятельности.

Для языка как достояния человека, то есть как формы (способа) существования его индивидуального сознания, способом поддержания активного и пристрастного отношения к миру является живое знание (см. о нем: [4, с. 51–59; 5, с. 30–47; 7 с. 78–90]).

Живое знание — это свободное знание, то есть то, которое не используется непосредственно в деятельности сразу и / или полностью для решения наличной задачи, удовлетворения актуальной потребности, излишнее с точки зрения информации о внешнем мире. Живое знание обусловлено аффективным характером отражения мира в сознании человека и в конечном итоге — эмоционально-личностным переживанием мира и себя в нем [2, с. 19], а также различными смысловыми структурами (личностный смысл, смысловой конструкт, смысловая установка, смысловая диспозиция, мотив, личностная ценность) [6, с. 127–129, 167–251].

Живое знание не сводится ни к информации, получаемой человеком извне, ни к памяти, особенно если память считать своего рода складом, откуда при необходимости извлекаются нужные «единицы» информации. Живое знание обусловлено интегрированием опыта (включая его эмоционально-личностное переживание), то есть интегрированием отраженных в сознании условий наличной ситуации и ее оценки, значимости желаемой ситуации для личности и деятельности, а также возможных и наиболее эффективных способов преобразования наличной ситуации в желаемую. *Живое знание и есть процесс возобновляемой интеграции опыта, образа наличной проблемной ситуации и желаемой ситуации, а также способов достижения последней.*

Некоторые выводы

Континуум языковых явлений Щербы – Залевской исключает такую точку зрения на язык, согласно которой он считается чем-то статичным, объективным, систематичным и противопоставляется речи как чему-то динамичному, субъективному, хаотичному. Между аспектами языка имеют место постоянные переходы, закономерности которых и выявляет языкознание. В предметную область этой науки входят все языковые аспекты и переходы между ними. При этом каждый аспект является системой процессов (а язык в целом является системой систем процессов) и не сводится к какому-то другому. Следовательно, в языке нет абсолютных закономерностей, одинаково действующих во всех его аспектах.

Существенные свойства языковой организации должны учитываться в теории – в языковой системе: необходимы такие положения и принципы теории и методологии, которые соответствуют выраженным свойствам изучаемой предметной области. И главными свойствами, подлежащими учету в теории, являются пристрастность и активность отражения действительности в индивидуальном сознании.

Введение человеческого фактора в объект языкознания требует не просто его расширения (некоторой количественной прибавки), что часто признается, но не часто осуществляется; оно требует создания специфических теоретических положений и методологических принципов, соответствующих «обновленному» объекту, и изменения самого стиля, способа осмысления этого объекта, поиска иных исследовательских направлений и путей, ведущих к познанию такого расширенного объекта. В этой связи вернемся к рисунку 1 и добавим, что аспекты языка внутри обведенной пунктиром области требуют для своего изучения обязательного учета человеческого фактора.

Список литературы

1. Анохин П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978.
2. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М., 1984.

3. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. тр. М., 2005.
4. Залевская А. А. Введение в психолингвистику : учеб. 2-е изд. испр. и доп. М., 2007.
5. Зинченко В. П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Самара, 1998. Ч. 1 : Живое знание.
6. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2007.
7. Ильенков Э. В. Школа должна учить мыслить. М. ; Воронеж, 2009.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
9. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. М., 2009.
10. Крушевский Н. В. Избранные работы по языкознанию / сост. Ф. М. Березин. М., 1998.
11. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М., 2012.
12. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб., 2010.
13. Поливанов Е. Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991.
14. Поливанов Е. Д. Введение в языкознание (для востоковедных вузов). М., 2006.
15. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.
16. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. СПб., 2012.
17. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды : в 2 т. М., 1956. Т. 1.
18. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 2004.

Об авторе

Андрей Александрович Яковлев — канд. филол. наук, Сибирский федеральный университет, Россия.

E-mail: mr.koloboque@rambler.ru

The author

Andrey A. Yakovlev, Assistant Professor, Siberian Federal University, Russia.

E-mail: mr.koloboque@rambler.ru